

МИР БОЛЬШИХ ЧУВСТВ

НА МОЮ долю актрисы выпало великое счастье быть первой исполнительницей роли Маши в драме Л. Н. Толстого «Живой труп». Шел 1911 год. С большим нетерпением ожидали москвичи премьеру Художественного театра. Машу должна была играть О. Гзовская, но незадолго до премьеры она заболела. К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко решили попробовать меня на роль Маши.

На другой день меня вызвали к Владимиру Ивановичу. «Роль эта для вас совершенно нового плана, — сказал Владимир Иванович. — Это уже не просто роли наивных девочек, которые вы играли до сих пор. Актриса вы еще не опытная. Срок жесткий. Но есть у вас один плюс. Ваши данные и ваш темперамент очень подходят для образа Маши».

Набравшись храбрости, я стала рассказывать Владимиру Ивановичу о своем увлечении цыганами, о поездках во Всехсвятскую рощу, где в старых, развалившихся домах квартировали цыгане из хора, и о дружбе с известной цыганской

◇
Алиса КООНЕН,
народная артистка РСФСР

певицей Олей Степановой. Многие черты Оли мне впоследствии удались воплотить в образе Маши.

Владимир Иванович попросил меня раскрыть тетрадь и сделать следующую запись: «Образ Маши — большой и значительный образ. Маша любит Федю самоотверженно, «без оглядки». Это образ страстного душевного порыва, большого темперамента, но больше внутреннего, сдержанного, чем внешнего. Никакой «цыганщины», никакой «цыганской страсти» допустить нельзя. Любовь Маши — глубокая, сильная, но чистая...»

На следующий день в 11 часов я стучалась в кабинет Владимира Ивановича. Роль выучила наизусть. От бессонной ночи немного кружилась голова, и, вероятно, от усталости, у меня не было ни волнения, ни страха, а какая-то отчаянная решимость. Раскрыв пьесу, я спросила Владимира Ивановича, с чего мы начнем. Он сказал, что будем размечать сцену у цыган. Для меня это было большой неожиданностью: там ведь почти отсутствует текст. Владимир Иванович попросил меня «помурлыкать» «В час роковой» и объяснил, что пение это будет строиться как диалог Маши с Федей, а не просто, как «номер». Конечно, мне самой такое решение и в голову не приходило.

Работали мы часа три. Когда кончили читать, Владимир Иванович похвалил меня, сказал, что даже имеется какая-то наметка на образ, но что все идет «залпом», как он выразился, и что теперь надо перейти к анализу и разметке роли «по кускам». Владимир Иванович стал подробно разбирать текст, говорить о смысле каждой фразы.

Я внутренне не согласилась с Владимиром Ивановичем в толковании только одной сцены — у Феди, когда приходят родители Маши. Мне казалось, что здесь важнее было бы показать не цыганскую перебранку, а выдвинуть на первый план самоотверженную любовь Маши, готовой пойти на позор, даже на месть близких — ведь по таборным обычаям обида, нанесенная девушке, делала месть правом ее семьи. Мне хотелось, чтобы в этой сцене, где Маша отстаивает свою любовь, она выросла бы, удивляя даже Федю...

Мне кажется, я впервые «заигра» Машу на первой генеральной репетиции. Помогли мне и черное атласное платье, и строгая прическа с пробором. Внутренние черты образа и внешний облик сливались в одно целое.

Особенно запомнилась мне первая генеральная репетиция. Были, конечно, все мои родные, которые волновались больше меня самой. Но главное, меня смотрели «старички», как мы их называли тогда, — К. С. Станиславский, В. И. Качалов, О. Л. Книппер, Л. М. Леонидов, М. П. Лилина — старшие товарищи, чудесные актеры, которых я любила еще с гимназической скамьи. После спектакля все они пришли поздравить меня: «Вот, Алисочка, сколько у вас пап и мам», — шутила М. П. Лилина. Этот радостный день навсегда остался в моей памяти.

Я мечтала играть образы героические, сильные духом. Мне думается, что признание моей Маши зрителями и критикой утвердило для меня внутреннее право играть «героинь»; это был первый шаг на пути в увлекательный мир больших человеческих чувств, в мир борьбы за счастье, за утверждение правды.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

2 ОНОЯ 1960